

УДК 130.3

UDC 130.3

09.00.00 Философские науки

Philosophy

ТРАНСФОРМАЦИИ СОЦИАЛИЗМА И КОНСЕРВАТИЗМА В ЭПОХУ ПОСТМОДЕРНА

TRANSFORMATION OF SOCIALISM AND CONSERVATISM IN THE POSTMODERN AGE

Гринь Максим Валентинович

grin.m@kubsau.ru

SPIN-код: 8188-4599

AuthorID: 349808

Scopus ID:57194626841

Кубанский государственный аграрный университет им И.Т. Трубилина, г. Краснодар, Россия

Grin Maksim Valentinovich

grin.m@kubsau.ru

SPIN-code: 8188-4599

AuthorID: 349808

Scopus ID:57194626841

Kuban State Agrarian University named after I.T.Trubilin, Krasnodar, Russia

В статье рассматриваются проблемы и перспективы оппонентов господствующей либеральной идеологии – социализма и консерватизма. Доказывается, что основными проблемами для социализма и консерватизма выступают как размывание их социальной базы, так и вытеснение их в область теоретического. Динамика социализма и консерватизма под влиянием неолиберальной практики оказывается довольно противоречивой и разнонаправленной. С одной стороны это побуждает многих левых и правых политиков принимать принципы неолиберализма, идя на компромисс. С другой стороны усиливает радикализацию наиболее твердых сторонников этих идеологий. Тем не менее, оппоненты либерализма не лишены перспектив. Теряя свой тотальный характер, присущий им в «век идеологий», эти идеологии вполне могут сохранять свою актуальность на частичном (молекулярном) уровне. Усиливающееся социальное неравенство представляет поле для развития социалистических идей, а ценностные деформации актуализируют консервативные постулаты

There were considered the problems and prospects of opponents of ruling liberal ideology – socialism and conservatism in the article. It is proven, that the main problems for socialism and conservatism water down their social basis as well as their exclusion into theoretical area. Dynamics of socialism and conservatism under the influence of neo-liberal practice is rather contradictory and differently directed. From one hand, it makes many left and right politicians take principles of neo-liberalism going to compromise. From other hand, sides strengthen the radicalization of more serious supporters of these ideologies. Nevertheless, the opponents of liberalism are not devoid of prospects. Losing its total character inherent it in the "age of ideology", these ideologies can remain relevant for a partial (molecular) level. Intensifying social inequality present social fields for development of socialistic ideas, but value deformation activate the conservative postulates

Ключевые слова: ИДЕОЛОГИЯ, СОЦИАЛИЗМ, КОНСЕРВАТИЗМ, АЛЬТЕРГЛОБАЛИЗМ, СОЦИАЛЬНАЯ БАЗА, ГЛОБАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО, МИГРАЦИИ, КЛАССОВОЕ СОЗНАНИЕ

Keywords: IDEOLOGY, SOCIALISM, CONSERVATISM, ALTERGLOBALISM, SOCIAL BASIS, GLOBAL SOCIETY, MIGRATIONS, CLASS CONSCIOUSNESS

Doi: 10.21515/1990-4665-134-108

В качестве оппонентов господствующему сейчас либерализму выступают социализм и консерватизм, каждый из которых представляет собой, как и либерализм, цельное системное мировоззрение. Их противостояние насчитывает уже не первое столетие и в конце прошлого века, как казалось, завершилось убедительной победой либерализма. Однако это вовсе не означает полное исчезновение этих доктрин, как с духовного, так и с

политического поприща. И по поводу проблем и перспектив названных мировоззрений пойдет речь в данной статье.

Имеет смысл начать с *социалистической идеи*, поскольку здесь имеется попытка бросить вызов либерализму на глобальном уровне, что вполне логично, учитывая претензии на универсализм, имеющиеся в содержательной природе социализма. Не в последнюю очередь ограничивают социалистическую перспективу ряд объективных причин, действующих разрушительно на это мировоззрение. Еще в 60-е гг. прошлого века отдельные представители Франкфуртской школы (Г. Маркузе) отмечали, что рабочий класс уже не является отрицанием капиталистической системы отношений, но скорее представляет ее элемент [13]. Согласно современному мнению Дж. Шварцмантеля, марксизм, предсказывая гибель капиталистической формации, недооценил ее адаптационные возможности – постоянное «рационализаторство» капитализма, его способность «изобретать» поистине неисчерпаемые формы новых товаров, столь желанных для граждан-потребителей, и поглощать протестные движения, включая их в лоно парламентской демократии [19].

В контексте усиления постиндустриальных тенденций принципиально изменился характер отношений между капиталом и трудом, причем явно в пользу первого. Если современный капитал стал очень мобильным, то труд «остается таким же неподвижным, каким он был в прошлом, но место, к которому однажды, как ожидалось, он будет привязан раз и навсегда, потеряло свою былую надежность» [2]. «Легкость» и «подвижность» современного капитала увеличивают его силу и влияния. Это выражается в постфордистском принципе, предполагающем минимизацию ограничений к свободным движениям капиталов и ускорение оборотов посредством ослабления жесткости и усиления гибкости. Но в результате обычно происходит ухудшение условий работы, снижение зарплаты и пособий, наконец, ликвидируются гарантии сохранения рабочих мест [1].

Ряд объективных факторов работают на разрушение классовой солидарности и классовой идентичности, по сути составляющих опору социалистической идеи. Экономическая переструктуризация сократила число промышленных рабочих – рывок в сфере технологий сделал немалую часть рабочей силы излишней («информационная безработица»). Одновременно снижение количества рабочих вторичного (промышленного) сектора происходит вследствие расширения третичного сектора (услуги). Другая причина, работающая против классовой солидарности – расширяющиеся масштабы трудовой миграции в промышленно развитые и некоторые среднеразвитые страны, принявшие беспрецедентные масштабы. Снижается спрос на рабочую силу, тогда как ее предложение наоборот возрастает. Усиливающаяся враждебность местного населения к мигрантам препятствует классовой солидарности. Кроме того, социалистическое сознание зачастую оказывается «под ударом» корпоративизма – идеологии, которую вырабатывают и распространяют крупные компании среди своих работников. Его суть предполагает внедрение и закрепление установок корпоративной солидарности, причем как по вертикальному, так и по горизонтальному структурному срезу.

Отсюда заслуживает внимания вывод К. Крауча о том, что столетие назад рабочий класс многим представлялся классом будущего, который обеспечит практическую реализацию подлинных демократических ценностей и всеобщее благосостояние. «К концу века он стал классом проигравших... За сто лет рабочий класс описал параболу» [11].

Наконец, еще одним мощным фактором размывания классового сознания является потребительская культура – знаковое явление постмодерна. Размывание классовых отношений в современном обществе происходит во многом вследствие навязанной большинству людей веры в силу индивидуального выбора, где на первом плане стоит именно потребление (З.Бауман). Внедрение по сути безграничных потребительских склонно-

стей есть одна из форм латентного социального контроля. Отсюда общество потребления сводит классовые различия к различиям в жизненных стилях. Сознание многих индивидов переориентировалось на потребительскую самореализацию (А. Горц), где-то компенсируя ограничение возможностей в профессиональной сфере.

Однако постмодернистское общество, унифицирующее потребительские стремления и соблазны, вовсе не решает проблемы неимущих, а скорее наоборот - заставляет последних куда сильнее чувствовать личную несостоятельность. В. Радаев, развивая подход П. Бурдьё, считает, что дифференциация потребления есть не что иное, как отражение того же классового неравенства. Ведь стили жизни - это символические выражения определенных классовых позиций, наделяясь «определенным символическим смыслом и уровнем престижа.... Они используются не только как средство достижения общности, но и как инструмент социального дистанцирования от других классов и их субординации» [14, 11].

Субъективная сторона кризиса традиционного социализма заключается, в том, что «значимыми становятся другие – не классовые – идентичности, а крепкие и прочные классовые идентичности, которые составляли основу организованной социал-демократии, разрушаются» [19].

Ускоряющаяся социальная динамика работает на дифференциацию левой идеи. А. Дугин предлагает рассматривать здесь три основных направления: старые левые, левые националисты, новые левые [7].

Первая категория включает марксистов-ортодоксов, социал-демократов, а также сторонников так называемого «третьего пути». По мнению самого А. Дугина, главная слабость западных ортодоксальных марксистов заключается в том, что они продолжают использовать категории индустриального общества, в то время как «на дворе» – постиндустриализм и постмодернизм [7]. С подобной точкой зрения можно согласиться лишь частично – ведь не совсем оправдано полагать полное и окончатель-

ное превосходство постиндустриального социального типа над индустриальным. Следует говорить о сосуществовании и даже переплетении элементов постиндустриального, индустриального и даже традиционного общественных типов. В связи с этим некоторые исследователи даже предлагают методологию сегментированного подхода (В. Шляпентох). Пространство индустриальных отношений, к которому применимы именно марксистские категории, все еще остается весьма внушительным.

В то же время следует признать, что политическая идеология социал-демократов или левых центристов, имеет очевидные тенденции к «поправлению». Если в начале XX в. левые отбросили идею революции, приняв правила демократической игры, то в конце столетия ими была принята и рыночная рациональность [15]. Ряд представителей левых сил предпринимают активные шаги, в направлении компромисса и адаптации к изменившимся условиям, фактически отказавшись от поиска альтернативы неолиберализму и сделав ставку на его корректировку в сторону социальной ответственности и справедливости [3]. Подобные усилия отличают проект так называемого «*третьего пути*», теоретическая разработка которого в основном связывается с именем лидера британской социологии Э. Гидденса, а практическая реализация с деятельностью политиков Т. Блэра и Г. Шредера. Это некий промежуточный вариант между социал-демократией и англосаксонским неолиберализмом. Но, как можно судить из содержания идеологических документов, здесь предполагаются неравнозначные уступки.

Так, Э. Гидденс в работе «За пределами левого и правого» не сомневается в окончательном поражении социализма, тем самым снимая с повестки дня претензии на системные преобразования. Вместо этого он предлагает сосредоточить усилия на развитие демократии в современных неолиберальных условиях, а также на восстановление духа сообщества. Так называемая «диалогическая демократия» будет способствовать «демократизации демократии в рамках либерального государства» [8]. В идеоло-

гическом документе «Третий путь – новая середина», подготовленном к XXI конгрессу Социалистического Интернационала (1999г.) Т.Блэром и Г.Шредером, обозначается стремление к существенной неолиберальной модернизации социального государства. Современные социал-демократы в своей идеологии меняют принцип равенства доходов на принцип равенства шансов. Поэтому сокращение социальных выплат происходит под предлогом поощрения людей к труду и отсекания стремлений жить за счет государства. Равенство шансов предполагает обеспечение возможности любому индивиду получить образование с тем, чтобы достойно предстать на рынке труда. В связи с этим «третий путь» делает упор на качество человеческого капитала, развивая системы образования, здравоохранения и т.д. Э. Гидденс предлагает понизить налоги, привязанные к перераспределению доходов, одновременно распределяя возможности так, «чтобы тот потенциал, которым обладают даже самые бедные люди, доставил им возможности для активной деятельности в нашем обществе» [15].

Из этого, Е. Самарская приходит к справедливому выводу о том, что понимание свободы и равенства в современной социал-демократии немногим отличается от либеральных трактовок [15]. Неслучайно программы британской лейбористской и консервативной партий все более сближаются. В Германии констатируется уменьшение различий между социал-демократами и христианскими демократами. Стратегия «третьего пути» оценивается неоднозначно. В целом преобладают умеренно критические оценки, хотя и встречаются предельно жесткие (А. Дугин) [7].

Все же далеко не все левые организации принимают компромиссный третий путь. В той же Германии часть активистов отделились от СДПГ, образовав новую левую организацию «Альтернатива избирателей: труд и социальная справедливость», которая стремится более последовательно отстаивать социалистические принципы, ориентируясь на интересы социального большинства. Новая партия настроена решительно против сокращения соци-

альных расходов, предлагает увеличить налоги на богатых, отвергает ограничение прав профсоюзов и приватизацию экономики. В то же время общая стратегия партии сугубо оборонительная и сводится не к новым завоеваниям в пользу труда, а к стремлению не потерять то, что есть [3].

Закономерно, что в условиях социальных издержек капиталистической глобализации предлагается глобальная социалистическая альтернатива. Нынешняя мировая левая идея имеет ряд творчески сильных теоретиков – А.Бузгалин, А.Колганов, С. Амин, Н. Хомский и др.. Пожалуй, самым известным воплощением глобальной социалистической идеи является движение *альтерглобализма*. По утверждению его теоретика А. Бузгалина, альтерглобализм включает три основные сферы: 1) протестные массовые акции; 2) «повседневную» деятельность альтерглобалистских организаций, имеющую постоянный характер; 3) социальные форумы [4].

Протестные акции проводятся начиная с 1999 г. ориентируясь на места и время проведения акций агентов глобализма – саммиты МВФ, ВТО, Давосский форум и др. В ходе названных акций обеспечивается их массовость (от 50 тыс. до 1 млн. участников), интернациональный характер участников, их интер-классовая структура (от безработных, до представителей мелкой буржуазии), сочетание методов диалога с гражданским неповиновением, сетевой принцип организации акций.

В альтерглобалистскую деятельность вовлечены организации довольно разнообразные по целям и функциональному значению – профсоюзы, экологические, феминистские, гуманитарные и неправительственные благотворительные, научные, связанные с проблемами здравоохранения организации; весьма широкого политико-идейного спектра – марксистские, троцкистские, анархистские организации. Также сюда включается деятельность новых социальных движений, возникающих под влиянием ситуационного контекста (движение безземельных крестьян Бразилии).

Всемирные социальные форумы (ВСФ) выступают весьма популярной формой работы альтерглобалистов. Наиболее известные форумы проходили в Порту-Алегри (Бразилия) 2001, 2002, 2003 гг, в Мумбае (Индия) в 2004г. На них принимаются документы, выражающие главные принципы идеологии альтерглобализма. Так, Хартия общественных движений, принятая на ВСФ 2002 г. в Порту-Алегри, объявляет объектом альтерглобалисткой борьбы неолиберализм и войну. В основе программы лежат, прежде всего, социальные цели «Мы - движение всемирной солидарности, объединенное в своей решимости бороться против концентрации богатства, распространения бедности и неравенства, и разрушения нашей земли» [18]. Протест выражается против деятельности международных экономических и политических организаций ВТО, МВФ, а также ТНК, а в качестве идеалов выступают социальная справедливость, демократия, мир.

А.Бузгалин считает альтерглобализм естественной реакцией на глобализацию, своего рода ее «антитезисом», видя здесь «массовый субъект ассоциированного социального творчества» [4]. По его мнению, у этого движения имеются хорошие перспективы, хотя бы до разрастания ее к уровню серьезной конкуренции глобальному капитализму. На наш взгляд, подобные перспективы хотя и не следует отвергнуть сразу и окончательно, однако серьезных сомнений заслуживают. Теоретики глобальной левой идеи слишком уповают на интернационализм или, проще говоря, на превосходство классового мифа над национальным, хотя в истории имеются противоположные примеры. Обстоятельства развития альтерглобализма в 2010-2015 гг. показывают, что это довольно рыхлое движение, деятельность которого пока ставит лишь ситуационные, но никак не системные проблемы перед глобальным капитализмом.

Тем не менее, несмотря на очевидные трудности социалистической идеи, ее положение вовсе не представляется совсем уж безнадежной. Дж. Шварцмантель убежден, что в современном обществе марксистская крити-

ка капитализма как никогда уместна [19]. Мнение некоторых социологов о размывании собственно классов (Я. Пакульски, М. Уотерс, П. Кингстон) [12] встречают жесткие возражения других исследователей (О.Шкаратан, Д.Голдторп, Э.Гидденс, О.Куценко, С.Макеев, В. Ильин, М. Кивинен), констатирующих стабильность классовых отношений в современном обществе. Например, М. Кивинен считает, что «объяснения требуют не столько влияние на классы социальных изменений, а удивительная устойчивость классовой структуры в условиях быстрых изменений» [10].

Нам представляется, в условиях разнообразия проблемы идентичностей классовая идентичность может отойти на второй план, но вряд ли разрушится в условиях неуклонного усиления социальных издержек капитализма. Социально-экономические противоречия никуда не делись, но лишь несколько затерялись среди других проблем и антагонизмов. В определенных условиях классовая идентичность легко реанимируется, проявляя себя в конкретных политических действиях (забастовки, пикеты, демонстрации).

Кроме того, перспективы социалистической идеи могут стать более весомыми при поддержке культурно-национальных факторов. А. Дугин в качестве одного из направлений социалистической мысли рассматривает левых националистов, которые как раз стремятся мобилизовать архаическое начало, усиливая собственное социально-политическое творчество. Здесь речь идет о марксизме, «перетолкованном в духе архаических эсхатологических ожиданий, глубинной национальной мифологии» [7]. Социалистический проект может победить только в союзе с национальным фактором, что и произошло в случае отечественного большевизма, хотя последний всячески стремился отмежеваться от этого. А. Дугин вполне допускает глобальные перспективы левого национализма, но у западных народов, где пока еще не растрачены «архаические, этнические и религиозные энергии», чего нельзя сказать о «жителях модернистического просвещенного и рационального Запада» [7].

Учитывая вышесказанное, легко предположить, что синтез левой и традиционно правой идеи мог бы принести весьма конструктивные плоды в плане противостояния глобальному либерализму. Однако этому мешает в первую очередь резкая враждебность левых, делающих ставку на классовый миф и традиционных правых, эксплуатирующих национальный миф. Однако немало попыток развития левых идей именно в почвенническом русле. В России это С. Кара-Мурза, А. Елисеев.

Если либерализм и социализм в содержательном плане были органично связаны с философией Просвещения, то *консерватизм* во многом стремился отстаивать традиционные устои, являясь теоретической реакцией на распространение просветительских идей. Концентрация консерваторов на «конкретном» лишала их проект глобализационной перспективы, чего не скажешь об их идеологических оппонентах – либеральном и социалистическом мышлениях, полных глобальных мировых потенций. Политические позиции консерваторов оказались почти необратимо поколеблены уже в середине двадцатого столетия в результате Второй мировой войны. По своей природе консерватизму трудно составить конкуренцию либерализму в качестве именно глобальной идеологии, однако консерватизм имеет наиболее сильные основания претендовать на статус национальной идеологии, так как ориентирован на национальный миф, имеющий конкретное выражение и почвенническую привязку.

Тем не менее консервативная идея (как и социалистическая) испытывает не меньшие проблемы, связанные с глобализационными факторами. Дж. Грэй справедливо отмечает, что последствия экономического либерализма неизбежно губительны для традиции и сложившихся сообществ. Выдвинутый на первые роли потребительский выбор «обесценивает прочность и преданность личных отношений», усиливаются тенденции к социальной атомизации – «мнение индивида подменяет общественное согласие», происходит разрушение неформального общественного контроля[5].

Глобальные рынки ликвидируют условия существования цельного консервативного мировоззрения. Собственно, уже эпоха модерна с ее универсальными идеалами свободы и равенства бросала серьезный вызов консервативной идее, обычно замкнутой в национальных рамках.

Дж. Шварцмантель считает, что динамика консервативной идеи на сегодняшний день имеет три варианта. Первый вариант предполагает фактическое приспособление к сложившейся ситуации – непоколебимости рынка, политической демократии и индивидуализму, глобализации и размыванию национально-государственных идентичностей. Другими словами, это некий вариант третьего пути, но с консервативных позиций. Неконсервативные авторы «Консервативного манифеста 1979» (И.Гилмор, Г.Шуман, Г.Кальтенбруннер, Р.Скрутон) объявляют о своем забвении «устаревших» традиционных институтов и социальных практик, фактически капитулируя перед правилами свободного рынка. Подобного рода консерватизм был воплощен в политической практике Р.Рейгана и М.Тэтчер. Дж. Шварцмантель обоснованно ставит вопрос о правомерности относить именно к консерватизму данный комплекс идей и практик [19], с чем в целом солидаризируется его соотечественник Дж. Грэй [5].

Второй вариант развития консервативного мировоззрения представляет правый радикализм, замешанный на ксенофобии и популизме. Такого рода идейный проект активно эксплуатирует эмоциональную сторону политики, напрямую «связывая» массы и политических лидеров через обращение к идеям этнонационализма и страх перед «другими» [19]. Наконец, третий вариант консерватизма Дж. Шварцмантель склонен трактовать скорее как политическую тенденцию, чем полновесный идеологический проект. Речь идет о взятии на вооружение некоторыми американскими политиками отдельных консервативных принципов, что служит способом адаптации правящих элит к условиям выборной демократии, этнического разнообразия с одной стороны, а с другой - стремится оправдать агрессивную

внешнюю политику США. Д. Харви пишет о сформированной еще в 1970-х гг. особой коалиции, которая и составила базу неоконсервативного движения – «между классом элиты и деловыми кругами, стремящимися к восстановлению своей классовой власти, и избирательной базой среди «морального большинства» разочарованного белого рабочего класса». Идеальным фундаментом стал синтез неолиберальных экономических принципов и моральных ценностей, культурного национализма, моральной справедливости, семейных ценностях и евангелистического христианства [17].

Идейная пестрота современного консерватизма делает его внутренне эклектичным и бессвязанным. Естественно, что усиливающиеся постмодернистские тенденции «индивидуализации» (У. Бек), «текущего общества» (З.Бауман), являются дополнительным фактором, работающим против основной цели консерваторов – органичного единства сообщества. Современный неоконсерватизм являет собой довольно противоречивое явление, нечто вроде идеологического гибрида, образовавшегося в первую очередь под воздействием объективных трансформаций. Не отрицая определенную правоту Дж. Шварцмантеля, следует все же отметить, что он предлагает несколько суженный взгляд на современный консерватизм, затрагивая в основном ситуацию политической практики в развитых странах, оставляя за кадром некоторые интересные теоретические разработки.

Так, Дж. Грэй предлагает *плюралистический* подход, вполне вписывающийся в консервативную парадигму. Резко критикуя универсальность либеральных постулатов, британский философ строит рассуждения в духе идей К. Шмитта, в середине XX в. разработавшего принцип «права народа вместо прав человека». Жизнь убедительно доказывает, что в современном мире самой мощной силой обладают культурные идентичности [5]. Тем самым субъектами политики и права должны признаваться сообщества, а не абстрактные индивиды. Либеральный проект есть только специфическая форма, порожденная западной социокультурной средой. Поэтому ны-

нешний мировой порядок следует строить на балансе интересов и целей между сообществами, внутренняя структура которых может быть как либеральной, так и нелиберальной.

Интересна мысль Дж. Грэя о том, что в современных условиях проект, нацеленный на сохранение традиции, может иметь только радикальный смысл [5]. Своего рода прецедент имелся в первой половине XX в, когда появилось политико-идейное течение «консервативной революции», одним из вариантов практической реализации которой стал фашизм. Однако тогда попытка добиться органичного сплочения социума с помощью частичной реставрации традиционных институтов имела лишь временный и ограниченный успех в отдельных частях Европы (Испания, Португалия).

За рамками описания Дж. Шварцмантеля остались проекты, так называемого, фундаментального консерватизма или традиционализма, который в своих работах глубоко исследует А. Дугин. Основная суть этого вида консерватизма заключается в отвержении фундаментального вектора исторического развития или оппонирование времени [7]. Представителями этого направления в XX в. были Р. Генон, Ю. Эвола, в современной политической философии близкие идеи развивают А. де Бенуа, Г. Джемаль, а также сам А. Дугин.

Следует признать, что фундаментальный консерватизм наиболее последовательно отстаивает незыблемость традиционных ценностей в ходе социальной динамики. Интересно, что после падения традиционных монархий, такой вид консерватизма посчитали окончательно отошедшим в прошлое, а с утверждением проекта модерна он, по идее, должен был лишиться всякой социальной опоры. Тем не менее традиционализм развивается не только теоретически. Имеются попытки его практической реализации, как, например, исламский фундаментализм, воплощенный в ряде организаций. Более того, элементы религиозного (протестантского) фундаментализма присутствуют в идеологии правящей элиты США, прежде всего Республиканской партии, а также в общественном мнении [7].

Но, даже в рамках традиционализма имеются проекты, адаптированные под глобальный масштаб и представляющие собой своеобразную форму консервативной реакции на международный капитализм. Таков подход политической теологии известного общественного деятеля и философа Г. Джемала. Интересно, что консервативное в целом мышление Г. Джемала вбирает в себя и социалистические элементы, в силу чего некоторые исследователи (Б. Кагарлицкий) даже включают его в когорту левых философов [8], что, с нашей точки зрения, не совсем оправдано.

Г. Джемаль описывает существующий порядок в дуалистических категориях, что во многом объясняется религиозно-политическим уклоном его мышления. Он противопоставляет современной системе, характеризующейся метафизическим неравенством, энергию пассионариев, «готовых к самопожертвованию во имя отстаивания внутреннего экзистенциального пространства от агрессии среды» [6, 404]. Глобальный капиталистический порядок определяется как синоним мирового зла, которое имеет историческую преемственность (тирании древности), и особенно не зависит от формы политического правления. В то же время современный человек как объект эксплуатации является погруженным в принципиальную несвободу, а посему представляет «буквальное продолжение египетского или римского раба», даже при наличии атрибутов современной цивилизации [6].

США - четко определенный противник, воплощающий «корпорацию сверхэлиты». Г. Джемаль дистанцируясь от классового подхода, полагает, что сегодня нет больше ни буржуазии, ни пролетариата, а есть суперэлита и находящийся в самом низу общественной пирамиды «мировой гарлем», где царит полная нищета. В остальных слоях превалирует «броуновское движение деклассированного элемента», судьба которого есть дело случая [6]. Суперэлита, финансовые, политические, технологические возможности в настоящий момент выросли, стремится не допустить любые кризисы и потрясения, бросающие вызов ее гегемонии. С этой целью проводится

идеологическая работа по внедрению пораженческих и демобилизационных форм сознания, а также в направлении хаотизации и карнавализации социального протеста. Формой последнего выступают все современные проявления левого антиглобализма [6].

Всему этому Г. Джемаль считает возможным противостоять только посредством выдвижения на первые роли «одиноких героев», наследников касты воинов, принесенных в жертву суперэлитой на закате средневековья из прагматических соображений [6]. Это особая порода людей – носителей особого свободного сознания, основанного на героизме и самопожертвовании. Для этих людей нет почвенных привязок, они объединяются через «солидарность в смерти», образуя нечто вроде Диаспоры (термин Г. Джемали) и неуправляемы через современные политтехнологии и медиасферу. Таким образом видится перспектива для Интернационала нового типа, объединяющим фактором которого будет диаспорное сознание.

Деятельность Интернационала должна быть направлена на изолирование международной бюрократии, что в перспективе приведет к блокированию властных кланов суперэлиты. Здесь основное условие будет заключаться в создании по всему миру сети автономных центров самоуправления - советов, как альтернативных источников власти, вбирающих в себя пассивный элемент диаспор. Деятельность советов координируется на базовом уровне единой идеологической платформой и общими задачами. Это «есть первый шаг к организационному оформлению мирового субъекта противостояния Системе, который ставит вопрос в первую очередь не о переделе материальных благ, ... но о взятии высшей политической власти» [6].

Итак, Г. Джемаль предлагает распространение консервативных по сути ценностей в глобальном масштабе, которые бросят вызов капиталистическому неолиберальному порядку. Нам видятся следующие слабые места разрабатываемого Г. Джемалем проекта.

Во-первых, в теории названного философа остается открытым вопрос преодоления культурного разнообразия, что является проблемой даже для глобального капитализма. Последний решает ее через формирование «яппи-интернационала», и в принципе похожий подход предлагает Г. Джемаль, призывая сделать ставку на пассионариев. Но, с одной стороны пассионарный фактор, принимая разные социальные формы, может иметь не только объединительные, но и противоречащие друг другу тенденции. С другой стороны, трудно не предположить, что сформированный таким образом будущий порядок имеет те же шансы вырождаться в будущем в похожее метафизическое неравенство.

Во-вторых, предлагаемый Г. Джемалем метод формирования нового порядка через структуру местного самоуправления – Советов не может не вызывать сомнений, если принять во внимание исторический опыт. Местное самоуправление может действовать эффективно при решении локальных вопросов, но обычно оказывается бессильным, столкнувшись с масштабными проблемами, которые требуют вмешательства более значительных структур, вроде государства. Об этом свидетельствует опыт как Советской, так Испанской революций. Выступая жестким противником современной тотальной бюрократизации, Г. Джемаль недооценивает ее конструктивное значение, что присуще многим современным мыслителям.

Отсюда следует признать, что на сегодняшний момент пространство консервативного мышления наиболее расплывчато и противоречиво. В то же время, если говорить об источниках определенной реанимации и восстановления национально-государственной идентичности, то здесь наибольшими шансами обладает именно ценностный консерватизм.

В целом анализ тенденций нелиберальных идеологий дает основание для следующих выводов.

1) С нашей точки зрения, основной проблемой для социализма, консерватизма выступает не столько размывание их социальной базы, как по-

лагают некоторые исследователи (К. Крауч, Дж. Шварцмантель), сколько вытеснение их в область теоретического. Распространение неолиберальных практик стремительно меняет социальное бытие в сторону его большей фрагментации и атомизации (постмодерн). Отсюда тотальный охват общественной проблематики, вполне реальный в ситуации модерна, сейчас затруднителен.

Однако, теряя свой тотальный характер, присущий им в «век идеологий», классические идеологии вполне могут сохранять свою актуальность на частичном (молекулярном) уровне. Усиливающееся социальное неравенство есть поле для развития социалистических идей, а ценностные деформации, присущие как массовому, так и элитарному общественным уровням, актуализируют консервативные постулаты.

2) Динамика социализма и консерватизма под влиянием неолиберальной практики оказывается довольно противоречивой и разнонаправленной. С одной стороны это побуждает многих левых и правых политиков принимать принципы неолиберализма («Третий путь», «Консервативный манифест 1979»), идя на компромисс. С другой стороны усиливает радикализацию наиболее твердых сторонников этих идеологий. Так, интернациональные потенции первых поставили их во главе альтерглобалистских движений. Консервативное мышление получает как национальный (правые политики), так и глобальный импульс, что в последнем случае имеет больше теоретическое выражение (Г. Джемаль).

Список литературы

1. Арин О.А. Мир без России / О.Арин – М.: Эксмо Алгоритм, 2002.
2. Бауман З. Текучая современность. / З. Бауман – СПб.: Питер, 2008.
3. В поисках альтернативы: Судьба левой идеи в изменившемся мире - Полития, 2006, №1.
4. Глобализация сопротивления: борьба в мире / Отв. Ред. С.Амин и Ф. Утар: Пер. с англ./ Под ред. и с предисл. А.В. Бузгалина. – М.: УРСС, 2004.

5. Грей Дж. Поминки по Просвещению: Политика и культура на закате современности / Дж. Грей – М.: Праксис, 2003.
6. Джемаль Г. Манифест нового Интернационала / Джемаль Г. Освобождение Ислама. М.: УММА, 2004.
7. Дугин А.Г. Четвертая политическая теория. Россия и политические идеи XXI века./ А.Дугин – СПб.: Амфора, 2009.
8. Кагарлицкий Б.Ю. Политология революции. М.: Алгоритм, 2005 – 562 с.
9. Кагарлицкий Б.Ю. Идеология и глобализация. Электронный ресурс URL <http://www.novsu.ru/npe/files/um/1412/bg/shell/arh/stat/staty>, дата обращения 23.10.2015.
10. Кивинен М. Прогресс и хаос: социологический анализ прошлого и будущего России. СПб., 2002.
11. Крауч К. Постдемократия. М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010.
12. Кузнецова Е. Средний класс: западные концепции. [Электронный ресурс] URL: <http://demoscope.ru/weekly/2009/0381/analit02.php> (дата обращения: 21. 08 2014).
13. Маркузе Г. Одномерный человек // Маркузе Г. Эрос и цивилизация. М.: АСТ, 2002.
14. Радаев В. В. Социология потребления: основные подходы. // Социологические исследования – 2005 - №1.
15. Самарская Е.А. Подъем и упадок индустриального социализма –М: ИФ. РАН, 2007.
16. Тамбиянц Ю.Г. Почему побеждает либерализм: Осмысление механизмов взаимодействия идеологии и социальной иерархии / Ю.Тамбиянц – Ростов-на Дону: Изд-во АПСН СКНЦ ВШ, 2006.
17. Харви Д. Неолиберализм и реставрация классовой власти. Интернет-ресурс: <http://www.journal.prognosis.ru/a/2006/08/10/89.html>, дата обращения 30.05.2014.
18. Хартия общественных движений [Электронный ресурс] URL: <http://kulac.narod.ru/top/global/hartia.htm>, дата обращения: 04. 11. 2015.
19. Шварцмантель Дж. Идеология и политика. / Дж. Шварцмантель – Харьков: Изд-во Гуманитарный центр, 2009.

References

1. Arin O.A. Mir bez Rossii / O.Arin – М.: Eksmo Algoritm, 2002.
2. Bauman Z. Tekuchaya sovremennost. / Z. Bauman – SPb.: Piter, 2008.
3. V poiskah alternativy: Sudba levoi idei v izmenivshemsya mire - Politiya, 2006, №1.
4. Globalizatsiya soprotivleniya: borba v mire / Otv. Red. S.Amin i F. Utar: Per. s angl./ Pod red.i s preddisl. A.V. Buzgalina. – М.: URSS, 2004.
5. Grei J. Pominki po Prosvescheniyu: Politika i kultura on zakate sovremennosti / J. Grei – М.: Praksis, 2003.
6. Jemal G. Manifest novogo Internationala / Jemal G. Osvobozdeniye Islama. М.: УММА, 2004.
7. Dugin A.G. Chetvertaya politicheskaya teoriya. Rossiya i politicheskie idei XXI veke./ A.Dugin – SPb.: Amfora, 2009.

8. Kagarlitsky B.Yu. Politologiya revolutsii. M.: Algoritm, 2005 – 562 s.
9. Kagarlitsky B.Yu. Ideologiya i globalizatiya. Elektronnyy resurs URL <http://www.novsu.ru/npe/files/um/1412/bg/shell/arh/stat/staty>, data obrascheniya 23.10.2015.
10. Kivinen M. Progress i haos: sociologicheskii analiz proshlogo i budushego Rossii. SPb.,2002.
11. Krauch K. Postdemokratiya. M.: Izd. Dom gos.Univer. – Visschei shkoli ekonomiki, 2010.
12. Kuznetsova E. Srednii klass: zapadnie konceptsii. [Elektronnyi zhurnal] URL:<http://demoscope.ru/weekly/2009/0381/analit02.php> (data obrascheniya: 21. 08 2014).
13. Markuze G. Odnomernii chelovek // Markuze G. Eros i civilizatsiya. M.: AST , 2002.
14. Radaev V. V. Sociologiya potrebleniya: osnovnie podhodi. // sociologicheskie is-sledovaniya – 2005 - №1.
15. Samarskaya E.A. Pod'yom i upadok industrial'nogo socialisma –M: IF. RAN, 2007.
16. Tambiyants Yu.G. Pochemu pobezhdaet liberalism: Osmysleniya mekhanizmov vzaimodeistviya ideologii i social'noi ierarhii / Yu.Tambiyants – Rostov-na-Donu: Izdatel'stvo APSN SKNC VSH, 2006.
17. Harvi D. Neo-liberalism I restavraciya klassovoi vlasti. Internet-resurs: <http://www.journal.prognosis.ru/a/2006/08/10/89.html>, data obrascheniya 30.05.2014.
18. Hartiya obschestvennih dvizhenii [Elektronni resurs] URL: <http://kulac.narod.ru/top/global/hartia.htm>, data obrascheniya: 04. 11. 2015.
19. Schvarcmantel J. Ideologiya i politika. / J. Schvarcmantel – Harkov: Izdatel'stvo Gumanitarnii centr, 2009.